

УДК 882.09 Л891

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры германской филологии филологического факуль-
тета, Петрозаводский государственный университет

*lirina_06@mail.ru***«ХРИСТОС ДОСТОЕВСКОГО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КЕРУАКА**

Статья посвящена рецепции творчества Достоевского одним из крупнейших американских писателей Джеком Керуаком (1922–1969). В ней показывается, что главной особенностью восприятия Достоевского Керуаком является то, что он был прочитан как христианский писатель. В статье анализируется, как трансформировались в художественном сознании Керуака важные концепты «почвы» и «живой жизни», каков характер интерпретации американским писателем образа Христа у Достоевского. Анализ основан на опубликованных дневниковых записях Керуака с 1947 по 1954 год.

Ключевые слова: американская литература, Ф. М. Достоевский, Дж. Керуак, американская рецепция творчества Достоевского, роман поколения Бит

Проблема восприятия Достоевского Керуаком (1922–1969) представляет особый интерес, во-первых, потому, что Керуак является влиятельнейшей фигурой в послевоенной американской литературе, одним из создателей молодежной контркультуры, во-вторых, его виденье и прочтение Достоевского стало частью создаваемого поколением Бит (в том числе и А. Гинсбергом) мифа о Достоевском, оказавшего существенное воздействие на восприятие русского писателя в послевоенной Америке. Проблема рецепции Керуаком творчества Достоевского остается актуальной и в связи с продолжающимся открытием архивов писателя, которые дают новое представление о его творческой личности и, в частности, о восприятии им Достоевского. Данный анализ основан на опубликованных дневниковых записях Керуака с 1947 по 1954 год. (Как пишет биограф Керуака Д. Никосия, «откровения в первом томе опубликованных дневников доказывают, что его едва ли понимали до сих пор» [6].)

Керуак всегда чувствовал близость русской и американской культур. Сравнение Америки и России становится одним из важных моментов его рефлексии о человеческом уделе, вере, будущем человечества. Он создает свой образ России – нового мира, страны духовности, которую называет «благоденственной Россией Достоевского» [3; 18]. Керуак не раз подчеркивает, что именно Достоевский является выразителем всего русского: «Должен ли я сказать, что настоящая Россия – это не Россия “Войны и мира”, а Россия “Подростка” или “Мертвых душ”, или “Братьев Карамазовых”?» [3; 47].

Важно отметить, что Керуак одним из первых в послевоенной Америке прочитал Достоевского как христианского писателя.

Интерес к христианской мысли Достоевского необычен для американской рецепции его твор-

чества в середине XX века, когда за Достоевским закрепилась репутация психолога, исследователя темных сторон человеческой психики, философа – предтечи экзистенциализма. Известные современники Керуака традиционно относились к православию Достоевского как «примитивному христианству» [4; 122] или чему-то экзотическому, затрудняющему ясность его художественного виденья [5; 256].

Главная причина интереса Керуака к христианской проповеди Достоевского состоит в том, что Керуак считал себя религиозным писателем, а отношение человека к Богу стало важнейшей, если не центральной темой его творчества. Уже в дневнике 1948 года Керуак заявил о себе как о писателе, продолжающем традицию Достоевского (Dostoevskyan writer) [3; 90], постоянно сравнивая себя с ним. Для Керуака, верившего в нераздельность жизни и искусства, личность художника и его судьба всегда имели огромное, подчас мистическое значение. Несмотря на то что Керуак прекрасно знал биографию Достоевского и был знаком с его дневниками, он был склонен мифологизировать образ русского писателя. В дневниках Керуака Достоевский предстает как идеал человека и творца. Жизненный путь русского писателя интерпретируется Керуаком как путь пророка, призванного возвестить истину, пройдя через многие страдания. Сам Керуак мечтает о такой судьбе: «Я хочу стать, молюсь, чтобы стать, земным пророком» [3; 275]. Он мыслит свой удел как удел христианского подвижника, поэтому его желание стать американским Достоевским объясняется не только его художественными устремлениями, но и духовными.

Чтение Шпенглера способствовало утверждению взгляда Керуака на Достоевского как святого: «Шпенглер признает, что Достоевский – святой» [3; 274]. Сам Керуак усиливает эту

мысль Шпенглера, заявляя: «Достоевский – действительно посланник Христа» [3; 273]. Возможно, для самого Керуака Достоевский и был человеческой реальностью Христа.

Кроме того, Керуак разделял мысль Шпенглера о том, что христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие. Керуак полагал, что это время уже наступает: «Мне пришлось в голову, что великие изменения должны произойти очень скоро с человечеством, с миром... Все это должно произойти от самих людей, великая новая революция души. Политика не имеет к этому отношения» [3; 36]. Поэтому для писателя христианская проповедь Достоевского становится особенно значимой.

Христос для Керуака – единственный идеал. Это важная мысль и для Достоевского, его «символ веры», сформулированный в известном письме Н. Д. Фонвизиной: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» [1; 176]. Заповедь любви, которую Достоевский выделил в качестве основной мысли в Евангелии от Иоанна: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. Как я возлюбил вас, так и вы любите друг друга», стала центральной и для понимания христианской проповеди Достоевского Керуаком: «Я не хотел бы рассуждать как антихристианин, потому что Христос был первым, кто понял, что любовь – это закон человеческой жизни... в будущем Христос заполнит умы людей как никогда прежде» [3; 135]. В представлении Керуака, Достоевский – посланник Христа, оттого что тоже проповедует любовь: «Я думаю, что величие Достоевского в его признании человеческой любви» [3; 273], и его творчество воспринимается Керуаком как «современное Евангелие. Его (Достоевского. – И. Л.) религиозный жар провидит сквозь факты и детали повседневности...» [3; 274]. Эту мысль он повторяет не раз: «Виденье Достоевского – это виденье Христа, выраженное в современных терминах... Виденье Достоевского – это то, о чем мы мечтаем по ночам и чувствуем днем, и это Правда... просто что мы любим друг друга, нравится ли нам это или нет, то есть мы признаем существование другого... и Христос в нас – главный движитель для этого признания» [3; 274]; «Я читал Дасти (Достоевского. – И. Л.), и она (любовь) была там» [3; 275].

Но для Керуака важен не только Христос Евангелий, проповедующий любовь, но и Христос «Братьев Карамазовых», которого он назвал Христом «страстей и радостей» (of lusts and glees) [3; 9]. Он интерпретирует этот образ Христа как проповедника и защитника свободы личности, которая понимается Керуаком широко, в контексте американской доктрины «доверия к себе» и индивидуалистической этики. Увиденная Керуаком особенность Христа «Братьев Карама-

зовых» – витальность – иллюстрирует его мысль о необходимости «livelihood» (жизненности) для человека, то есть жизненной энергии, способствующей утверждению собственного «я». Христос «Братьев Карамазовых», по мысли Керуака, проповедует радость жизни, мораль, которая происходит из самой жизни. Чтобы подтвердить свою мысль, он вновь ссылается на Достоевского. Так, Керуак пишет о «живой жизни», подразумевая под этим жизнь свободную, естественную, не коррумпированную цивилизацией: «Ты должен верить в жизнь, живую жизнь...» [3; 272], «Достоевский говорит, что грех бояться и, конечно, это правда... Я на коленях перед жизнью сегодня и готов целовать ее руку» [3; 34]. Он очень близко подходит к мысли Достоевского о необходимости полюбить жизнь прежде ее смысла. Неслучайно любимые герои Керуака, такие как Дин Мориарти из романа «На дороге», наделены необычайной витальностью, влюблены в жизнь.

Другой важный концепт Достоевского, который использует Керуак, – «почва»: «Простота и грубая сила поднимаются из американской почвы, и они спасут нас... В Америке много неоткрытых людей... как и в России» [3; 270]. Очевидно, что американская почва, о которой пишет Керуак, существенно отличается от русской, ибо не связана ни с народной традицией, ни с православием, а подразумевает жизненную силу отдельного индивида; ее духовные основания кроются в американском трансцендентализме. И Христос «страстей и радостей», и «живая жизнь», и «американская почва», безусловно, имеют под собой иной, чем у Достоевского, смысл и другие коннотации, так как вписаны в культурную традицию, в основе которой лежит этика индивидуализма. Тем не менее Керуак склонен был игнорировать тот факт, что Достоевский всегда определял индивидуализм как явление негативное, и не переставал считать себя последователем русского писателя, призванным воплотить его идеи в жизни и творчестве.

Таким образом, в дневниках Керуака Достоевский предстает как христианский пророк, проповедующий миру Христову заповедь любви, и как христианский визионер и художник (а эти понятия для Керуака нераздельны), провидевший Христа, проповедника свободы. Подобное прочтение Достоевского давало импульс и для попыток собственной интерпретации Христа, о чем Керуак пишет в дневнике: «Скоро я напишу свою интерпретацию Христа... он был первым и, вероятно, последним, который приблизился к последней загадке человека как единственно важной на земле» [3; 199]. Христос наделен знанием о человеке, которым тот не обладает: «...он знал тайну жизни, он был человек и знал, что чувствуют люди, жаждущие жить и обреченные на смерть... и он видел единственный путь разрушить все это» [3; 15]. Приблизиться к разгадке тайны человека и мира было

для Керуака важной жизненной и художественной целью: «Моя задача – заставить мир показать свою тайну» [3; 231]. Эти слова перекликаются со знаменитой мыслью Достоевского о том, что «человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2; 63].

В художественном сознании Керуака Достоевский является пророком Третьего Завета, провидевшим Христа «страстей и радостей», «жизненности» и «вitalности». Именно эта проповедь Достоевского была услышана Керуаком и

стала источником для его художественного видения. Сам Керуак, стремясь вернуть литературе религиозный пафос, пророчествовал о грядущем духовном возрождении Америки на принципах любви и братства, прочитанных им у Достоевского и интерпретированных как содружество свободных индивидов. Эта мечта питала его творчество, как и творчество других писателей поколения Бит.

Интерпретация Достоевского Дж. Керуаком, одна из многих существующих в США, важна для понимания того диалога, который ведут две литературы между собою.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Письмо Н. Д. Фонвизинной // Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1.
2. Достоевский Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому // Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1.
3. Kerouac J. Windblown World. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954. N. Y., 2004.
4. Blackmur R. Eleven Essays in the European Novel. N. Y., 1964.
5. McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature // The Mortgaged Heart. Boston, 1971. P. 256.
6. Nicosia G. Real Kerouac The Beat Writer's Journals Reveal a Man Apart from his Persona. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954 / Ed. by Douglas Brinkley // Windblown World. 2004. October, 17, Sunday.